

© 2014 г. А.Ю. УРМАНЧИЕВА

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА: СООТНОШЕНИЕ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ В ОПИСАНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ГРАММЕМ*

В статье рассматривается эвиденциальная система северного (тазовского) диалекта селькупского языка. Эта система обладает рядом интересных особенностей. В частности, в селькупском ситуации, которые говорящий наблюдал лично, описываются с помощью эвиденциального показателя косвенной засвидетельствованности. С типологической точки зрения такое употребление показателя косвенной засвидетельствованности представляется крайне необычным, так как визуальный доступ к информации о ситуации традиционно рассматривается как однозначно обуславливающий употребление показателя прямой засвидетельствованности. В статье дается описание эвиденциальной системы тазовского селькупского, после чего высказываются некоторые соображения, касающиеся возникновения столь необычной эвиденциальной системы.

Ключевые слова: типология эвиденциальности, селькупский язык

The paper investigates the evidential system of Northern Selkup dialects. The system is quite peculiar in some aspects: for example, situations perceived visually are marked by the suffix of indirect evidentiality – thus, from a traditional perspective, that means that directly witnessed situations are marked in the same way as not-witnessed. First of all, the functions of all Selkup evidential markers are described in the paper. Then, I argue that the semantic motivation for such a peculiar use of evidential markers does exist.

Keywords: evidentiality, Selkup

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье рассматривается селькупский показатель так называемого латентива – показатель с широкой эвиденциальной семантикой, демонстрирующий нетривиальное объединение нескольких эвиденциальных значений. Анализируется, насколько ко всем употреблениям этого показателя могут быть применены традиционные способы описания эвиденциальной семантики. В частности, показано, что более адекватное описание употреблений эвиденциального показателя достигается в том случае, если применяются определения, в меньшей степени ориентированные на логическую семантику и в большей степени учитывающие прагматические факторы.

Статья написана по материалам тазовского диалекта селькупского языка, относящегося к группе северноселькупских диалектов. Выбор тазовского в качестве основного объекта исследования обусловлен прежде всего тем, что в глагольной системе северных диалектов грамматическая категория эвиденциальности занимает центральное положение, тогда как в южных диалектах эвиденциальность находится на периферии грамматической системы (см. [Ильина 2002; 2006; Казакевич 2005]). Работа базируется на

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие (типологический анализ)». Проект Российского научного фонда № 14-18-03406.

фольклорных текстах на тазовском говоре селькупского языка. Это тексты, записанные в 1925–1928 гг. Г.Н. Прокофьевым и опубликованные им [Прокофьев 1935: 101–109; 1937: 123]. О.А. Казакевич также любезно предоставила мне возможность ознакомиться с готовящимися к печати текстами, записанными Г.Н. Прокофьевым, которые хранятся в Архиве МАЭ (компьютерная версия копий этих текстов, сделанных в 1940–1941 гг. Л.А. Варковицкой, входит в Селькупский компьютерный архив ЛАЛС НИВЦ МГУ). Также изучались фольклорные тексты, записанные в 70-х г. [ОчСЯ 1993].

1. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СПУТНИКИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В данной работе речь идет об основной эвиденциальной форме тазовского диалекта, названной в последней по времени грамматике этого диалекта [ОчСЯ 1980] л а т е н т и в о м; именно этим термином я пользуюсь ниже. В первой северноселькупской грамматике [Прокофьев 1935] данная форма названа повествовательным, или предположительным, аористом. Г.Н. Прокофьев, описывая семантику этой формы, делает акцент на том компоненте значения, который в современной терминологии был бы обозначен как эпистемическая модальность: «aoristum narrativum употребителен в рассказе для выражения таких действий, относительно которых у рассказчика нет полной уверенности в их достоверности» [Там же: 66]. В свою очередь, авторы [ОчСЯ 1980] выделяют в значении этой формы скорее эвиденциальную составляющую: «Глаголом в латентиве обозначается действие, сам факт или обстоятельства совершения которого не являются для участников разговора (обычно и для самого говорящего) очевидными, зримыми» [ОчСЯ 1980: 241].

Легко показать, что употребления латентива естественно укладываются именно в модель описания эвиденциальных значений, см. далее. Тем не менее то, что в предшествующих описаниях этой форме была дана «двойная» семантическая аттестация – модальная и эвиденциальная, также крайне симптоматично. В типологически ориентированных работах обсуждается, связаны ли значения эвиденциальности и эпистемической модальности. Общим местом современной грамматической типологии является то, что эти значения независимы друг от друга и относятся к разным семантическим зонам. Тем не менее вопрос о соотношении модальных и эвиденциальных значений может рассматриваться с двух точек зрения.

С одной стороны, при решении этого вопроса могут приниматься во внимание прежде всего те толкования, которые даются эвиденциальным значениям и значениям эпистемической модальности теми или иными лингвистами (такой подход можно считать ориентированным прежде всего на логическую семантику). Именно в рамках этого подхода эпистемическая модальность и эвиденциальность разводятся четко и однозначно. Действительно, категория эвиденциальности кодирует способ доступа говорящего к сообщаемой информации (см., в частности, [Плунгян 2011: 449–450]), а эпистемическая оценка «имеет отношение к сфере истинности; это оценка степени правдоподобности (или степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего» [Там же: 426]. Таким образом, если ориентироваться на предложенные толкования, может создаться иллюзия, что понятийные центры этих двух семантических сфер достаточно далеки друг от друга.

С другой стороны, безусловно и исключительно принять именно такой подход мешают два обстоятельства, хорошо известных лингвистам, работающим над описаниями конкретных языков. Во-первых, практически бывает не всегда легко определить, следует атрибутировать ту или иную форму как выражающую значение эпистемической модальности или как выражающую эвиденциальное значение, так как некоторые из этих форм могут употребляться в схожих контекстах. Во-вторых, и в тех случаях, когда получается достаточно надежно определить некоторую форму как эвиденциальную, можно говорить о том, что в целом ряде употреблений присутствует дополнительный эпистемический компонент. Этот случай комбинации эпистемического и эвиденциального значений в рамках одной формы любопытен с точки зрения структуры грамматической семантики. Если ориентироваться на традиционную логику грамматического

описания, то наиболее естественной представляется трактовка этой комбинации как кумулятивного выражения двух грамматических значений. Однако если рассматривать такие формы в перспективе глагольной парадигмы в целом, то оказывается, что это очень странный случай кумуляции: с одной стороны, выделяется четкая парадигма эвиденциальных форм; с другой стороны, столь же четкой парадигмы эпистемических значений, «помноженных» на эвиденциальные значения, при этом не выделяется, и эпистемический компонент может а) в некоторых формах – например в формах прямой засвидетельствованности – отсутствовать вовсе и б) в других формах проявляться «мерцающе», в зависимости от конкретного контекста их употребления. Таким образом, эвиденциальный компонент представляется в данном случае доминирующим, а эпистемические значения – сопутствующими.

В сфере грамматической семантики говорить о таких семантических дополнениях к основному грамматическому значению не принято; как правило, грамматическое значение представляется как нечто одноуровневое. Тем не менее любопытно, что как раз эвиденциальные системы побуждают исследователей обращать внимание на нетривиальные комбинации семантических компонентов. Ср., например, следующую цитату: «Показатели непрямого доступа широкой семантики в языках мира имеют, как правило, то общее свойство, что выражают значения не только чисто эвиденциального, но и модального типа. Иными словами, эвиденциальная семантика в них, как правило, не отделена от модальной семантики, а именно семантики эпистемической оценки (или оценки степени достоверности высказывания). Прагматические основания для такой близости вполне понятны: информация, полученная говорящим не в результате непосредственного синхронного наблюдения за ситуацией, оценивается им как менее достоверная. Более осторожная формулировка предполагала бы здесь даже не понятие “недостоверности”, а скорее понятие “эпистемической дистанции”: говорящий как бы снимает с себя ответственность за истинность сказанного, поскольку соответствующая информация не входит в его личную сферу и он не может, так сказать, выступить ее гарантом» [Плунгян 2011: 466–467]. Как можно видеть, в данном отрывке речь идет о некотором дополнительном модальном «шлейфе» в семантике эвиденциальных форм. Это описание, по сути, безусловно, верное, тем не менее является скорее метафорическим. Как кажется, этой метафоры вполне достаточно для того, чтобы передать реальное положение дел; однако необходимо подыскать некоторый объяснительный аналог этой метафоры в сфере описания структуры грамматических значений. Действительно, как уже говорилось вскользь, де-юре соотношение грамматических форм и грамматических значений кажется достаточно простым и одно-однозначным: одна грамматическая форма выражает либо одно значение (в случае полисемичной формы – несколько значений) одной грамматической категории, либо – кумулятивно – несколько (как правило, два) значений различных грамматических категорий. Тем не менее де-факто встречаются описания «сосуществования» в рамках одной грамматической формы двух грамматических значений, как в только что процитированном отрывке, и в этом случае речь идет не о кумуляции, а о том, что одно грамматическое значение возникает как «побочный эффект» другого. Для описания этих случаев приходится отказаться от одноуровневой модели представления грамматических значений и выделять в значении грамматической формы основной и дополнительный компоненты значения (при этом обязательным элементом, образующим грамматическую категорию, является только первый компонент).

Возникновение подобных дополнительных компонентов в семантике грамматических показателей, естественно, не является абсолютно новой идеей в лингвистике; об этом писала, например, Дж. Байби в книге «Evolution of grammar» [Bybee et al. 1994]. Рассматривая семантическое развитие показателей, которые имеют значительный стаж функционирования в грамматической системе, она указывает, что такие показатели могут вытесняться на периферию грамматической системы новыми грамматическими показателями, занимающими семантическую нишу первых. Периферией грамматической системы оказываются в данном случае синтаксически консервативные контек-

сты – например, зависимые предикации, отрицательные контексты, вопросительные предложения и т. п. При этом большинство из этих контекстов оказываются неассертивными, и эта неассертивность начинает ассоциироваться с той самой грамматической формой, которая была вытеснена в эти контексты, и становится постепенно значением этой самой грамматической формы. Дж. Байби описывает это как один из механизмов семантических изменений в грамматике и называет подобные вновь возникшие значения «наведенными контекстом» («inferred by the context»). Дж. Байби говорит в данном случае именно о семантических преобразованиях, но очевидно, что полное изменение значения является финальной стадией процесса, в начале которого «наведенные контекстом» значения были только одним из дополнительных семантических компонентов. В случае, рассматриваемом Дж. Байби, дополнительный семантический компонент наведен синтагматикой грамматической формы. Как кажется, такой дополнительный семантический компонент может порождаться также и ее прагматикой. Так, в данном случае именно прагматическая корреляция между непрямым доступом к информации и пониженной достоверностью сообщаемой информации послужила тому, что у эвиденциальных форм появляется «прагматически наведенное» эвиденциальное значение.

Таким образом, подобные прагматические мостки могут оказаться серьезным фактором, стирающим границы между различными семантическими сферами, – тем более что в некоторых случаях эти границы в большей степени существуют в нашем идеальном представлении об устройстве грамматической семантики, чем в реальной грамматической системе. Показательной в этом случае является жаркая дискуссия о соотношении эвиденциальности и модальности. Эта ситуация весьма напоминает ситуацию с нормативными словарями, где «запретительные» пометы, по замыслу автора, фиксирующие языковую норму, в действительности обозначают те «горячие точки», где наиболее вероятным оказывается будущее языковое изменение (очевидно, что теоретически, например, неправильное ударение возможно в любом дву- или более сложном слове русского языка, но помета о запрещении неправильной формы не появляется рядом с каждым словом такой силлабической структуры; точно так же бессмысленной является дискуссия о соотношении эвиденциальности и вида, но дискуссия о соотношении эвиденциальности и модальности остается актуальной). Таким образом, строгое разведение этих двух значений, возможно, в большей степени отражает стремление (и пристрастие) лингвистов, так сказать, к каноническим, нормализованным, логически ориентированным представлениям семантических сфер и грамматических значений, чем реальные прагматические связи семантических компонентов.

Ниже у нас еще будет несколько поводов вернуться к дискуссии о соотношении семантики и прагматики в связи с рассмотрением селькупской эвиденциальной системы, которому посвящен следующий раздел.

2. ЭВИДЕНЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА: ДАННЫЕ

В селькупском к эвиденциальной сфере относятся следующие показатели: инферентива *-тру*, латентива *-nty* и аудитива *-кунä* (каждый показатель в описании ниже обозначается единственным алломорфом; полные сведения об алломорфическом варьировании каждого показателя легко найти в соответствующих разделах [ОЧСЯ 1980]). Перечисленные показатели маркируют значения косвенной эвиденциальности. Значение прямой эвиденциальности маркируется индикативными формами; поскольку темпоральная система индикатива не имеет непосредственного отношения к теме данной статьи, ниже для иллюстрации употребления индикативных форм системы выбрана одна темпоральная форма – аорист.

Что касается модели для описания употребления селькупских эвиденциальных форм, в качестве таковой из нескольких предлагавшихся в последнее время в типологической литературе я выбрала модель, предложенную в [Плунгян 2011: 473]. В указанной работе обсуждаются также другие известные классификации эвиденциальных

значений – классификация Т. Уиллета [Willett 1988] и А. Айхенвальд [Aikhenvald 2004]. Предпочтение модели, предложенной В.А. Плунгяном, объясняется среди прочего тем, что в его классификации присутствует такой ключевой для селькупского типа доступа к информации, как *п а р т и ц и п а н т н ы й*, см. ниже. В этой модели эвиденциальность описывается как доступ говорящего к информации о ситуации. При этом предлагается различать два отчасти скоррелированных, но все же независимых параметра: прямой vs. непрямой доступ к информации и личный vs. неличный доступ к информации.

В результате получается следующая схема, позволяющая классифицировать значения, относящиеся в языках мира к эвиденциальной сфере:

Прямой личный доступ	партиципантное ‘говорящий лично был вовлечен в ситуацию’ ¹
	визуальное ‘говорящий лично наблюдал ситуацию’
	сенсорное ‘говорящий лично воспринимал ситуацию каким-то органом чувств, отличным от зрения’
	эндофорическое ‘говорящий сообщает о своем личном внутреннем состоянии (например, о чувстве голода, о состоянии здоровья, о собственных эмоциях), воспринимаемом им на основе собственных ощущений’ ²
Непрямой личный доступ	инферентивное ‘говорящий судит о ситуации по наблюдаемым результатам’
	презумптивное ‘говорящий судит о ситуации на основе общих знаний о мире’ ³
Непрямой неличный доступ	репортативное ‘говорящему известно о ситуации с чужих слов’

Далее В.А. Плунгян указывает, что типологически наиболее частотны эвиденциальные системы с трюичным (первая vs. вторая vs. третья строки таблицы) либо с бинарным (первая vs. вторая и третья строки таблицы) противопоставлением граммем. В тазовском селькупском также представлена система с трюичным противопоставлением, однако распределение частных эвиденциальных значений между показателями совершенно иное.

В тазовском селькупском значение **прямого личного доступа** выражается временами системы индикатива. Особенность употребления форм прямого личного доступа в тазовском селькупском в том, что они используются в партиципантном значении, никогда – в сенсорном и редко – в визуальном. Два последних значения маркируются в тазовском селькупском показателями непрямого личного доступа.

Сфера **непрямого личного доступа** в тазовском селькупском обслуживается, с одной стороны, формой *и н ф е р е н т и в а*, с другой стороны – системой *л а т е н т и в н ы х* форм (в системе латентива выделяется три временных формы – аорист, прошедшее и будущее, однако в данной статье различия в употреблении этих форм не описываются).

¹ Особые партиципантные показатели (типологически это явление достаточно редкое), отличные от визуальных и сенсорных, зафиксированы по крайней мере в языках помо и в трансовогвинейских языках (см. [Плунгян 2011: 470]).

² В системах с эндофорическими показателями сообщение о собственных ощущениях будет кодировано при помощи эндофорического показателя, тогда как сообщение об ощущениях другого лица – которые, естественно, недоступны непосредственному восприятию говорящего – будет кодироваться иначе, при помощи одного из эвиденциальных показателей непрямого доступа [Плунгян 2011: 469].

³ Оговорюсь, что ниже я не буду рассматривать презумптивное значение по той причине, что оно стоит очень близко к значению «чистой гипотезы», то есть к значению эпистемической возможности, и я не знаю хороших критериев для их разграничения.

При помощи инферентивной формы описываются ситуации, свидетелем которых говорящий не был и о которых он судит по наблюдаемым результатам. Существенно, что инферентив в тазовском селькупском строго ориентирован именно на результат ситуации. Насколько можно судить по примерам, в случае других косвенных данных, служащих основанием для инференции, следует воспользоваться латентивными формами, см. ниже.

Латентив употребляется в следующих значениях: сенсорном, визуальном, эндофорическом, репортативном и в ряде случаев в инферентивном.

Таким образом, если предварительно в самом общем виде представить распределение эвиденциальных показателей тазовского селькупского относительно типологического набора эвиденциальных контекстов, получается следующая картина:

		индикатив	латентив	инферентив
Прямой личный доступ	партиципантное	+		
	визуальное	+	+	+
	сенсорное		+	
	эндофорическое	+	+	
Непрямой личный доступ	инферентивное		+	+
Непрямой неличный доступ	репортативное		+	

В использованной схеме значения располагаются начиная со значений прямой эвиденциальности и заканчивая значением, максимально воплощающим идею косвенного (= непрямого неличного) доступа к информации, – репортативным значением. Наиболее нетривиальным в селькупской эвиденциальной системе является то, что граница между сферой прямой и косвенной эвиденциальности сдвинута относительно типологических ожиданий таким образом, что показатель косвенной эвиденциальности вторгается в сферу прямого личного доступа. Иллюстрируя употребление селькупского латентивного показателя ниже, я привожу примеры в обратном порядке – от нижней части шкалы к верхней, чтобы вначале продемонстрировать, что этот показатель бесспорно имеет эвиденциальную семантику, и уже после этого перейти к рассмотрению наиболее интересной части употреблений, где значения косвенной эвиденциальности смыкаются со значением прямой эвиденциальности.

Непрямой неличный доступ – репортативное значение

Репортативное значение

Для передачи репортативного значения используется латентив⁴:

⁴ Некоторые исследователи – например, Л.А. Ильина – усматривают репортативное значение также у инферентивного показателя *-тру* (см. [Ильина 2006: 89]). Этот вывод делается на основании употребления инферентивного показателя в зачинах фольклорных текстов, где, по мнению исследователя, мы имеем дело с пересказом авторитетных источников. Но я бы не стала приписывать инферентивному показателю *-тру* репортативное значение. Прежде всего, если говорить о выражении репортативного значения за пределами квази-формульных фольклорных зачинов, оказывается, что оно не передается показателем *-тру*. Соответственно, можно максимум говорить о том, что в фольклорных зачинах сохранились реликты употребления показателя *-тру* в репортативном значении, но на синхронном уровне в глагольной системе селькупского соответствующий показатель не имеет данной грамматической функции. Кроме того, следует принимать во внимание, что употребление глагольных показателей в интродуктивных фрагментах часто может быть довольно непрозрачным и, на мой взгляд, следует в любом случае отделять грамматическое значение показателя от специфической – в данном случае интродуктивной – дискурсивной функции, которую этот показатель выполняет.

- (1) Тѣптыль чѣлы нильчиль ѣты тў-нты-Ø ёмталь₁ қон₂
 следующий день такой весть прийти-LAT-S3 царь_{1,2}
 мыкыт момпа коччи пэлә-ль тамтыр-ты щўньни-нты-Ø.
 у мол много половина-ADJ род-3 убавиться-LAT-S3
 'На следующий день пришло известие, что людей у царя стало вполонину меньше' [Прокофьев рук.: ед. хр. 18]⁵.
- (2) Арату томр-а-Ø qūty-nty-Ø.
 отец-1 говорить-AOR-S3 болеть-LAT-S3
 'Мой отец, говорят, **болен**' [ОчСЯ 1980: 241].

Непрямой личный доступ

Ниже иллюстрируется только эндофорическое значение из этой сферы: примеров на выражение презумптивного значения в селькупских текстах не встретилось, а инферентивное значение будет рассмотрено в отдельном разделе, так как с ним связаны некоторые любопытные наблюдения.

Эндофорическое значение

Эндофорическое значение ('сообщение о внутренних ощущениях человека') также передается в селькупском формой латентива (в этих же контекстах возможно употребление индикативных форм):

- (3) Katsat, ɕnyl', qälymp-äš topy-sä. A to mat uta-p cūšaly-nty-Ø.
 внук правда идти-IMV.S2 нога-INSTR а то я рука-1 заболеть-LAT-S3
 'Внук, правда, иди пешком. А то мои руки **заболели**' [ОчСЯ 1993: 18 / текст 6: 55–56].

Значения из сферы прямого личного доступа

Сенсорное значение

Из пяти чувств следующим после зрения «поставщиком информации» является слух. Неудивительно поэтому, что в самодийской лингвистической традиции форму сенсорного восприятия традиционно называют аудитивом. Несмотря на такое название, аудитив может покрывать более широкий круг эвиденциальных значений. Например, в ненецком, где эта форма употребляется достаточно активно, аудитив выражает следующие эвиденциальные значения: собственно сенсорное (ситуации, воспринимаемые прежде всего на слух, но также, например, и на ощупь), эндофорическое (сообщение о внутренних ощущениях говорящего – устал, голова болит), а также репортативное⁶. В селькупских текстах аудитив встретился только в значении слухового восприятия. Однако следует иметь в виду, что он часто встречается в текстах, записанных в конце 20-х гг. Г.Н. Прокофьевым, но уже в текстах 70-х гг., опубликованных в [ОчСЯ 1993], аудитив практически полностью вытеснен латентивом. Соответственно, сложно назвать контексты, в которых исходно употреблялась аудитивная форма в тазовском селькупском, – только ли слуховое восприятие ситуации или также и другие контексты, аналогично, например, ненецкому⁷.

⁵ Все примеры даются в той системе записи, которая принята в цитируемом источнике. В большинстве случаев сохранен перевод источника, однако иногда перевод несколько изменен – либо для того, чтобы приблизить его к литературному русскому, либо для того, чтобы более явно выделить контекст употребления рассматриваемых глагольных форм; глоссы мои.

⁶ Возможность употребления аудитива в таком бесспорном значении косвенной эвиденциальности, как репортативное, служит хорошим доказательством того, что сенсорное восприятие в самодийских языках трактуется как косвенная, а не как прямая эвиденциальность.

⁷ По свидетельству О.А. Казакевич, в селькупском, как и в ненецком, аудитив употребляется не только в значении слухового восприятия (личное сообщение).

Ниже приводятся примеры употребления аудитива (4) и латентива (5, 6, 13) в аудитивном значении, все примеры взяты из текстов 70-х гг.:

- (4) Ukkyr contō-qyt pi-t conty-l' kotā-qyt aj nīl'cyk
 один время-LOC ночь-GEN время-ADJ середина-LOC опять так
 üntyń'-ny-ty: aj kos qaj na tū-kynā-Ø.
 услышать-АОР-ОЗ опять INDEF что вот прийти-АУД-S3
 'Вдруг в полночь опять слышит: опять кто-то **пришел**, слышно' [ОчСЯ 1993: 38 / текст 26: 127].

- (5) Ütynyk üñkylty-mp-a-ty: picy-t sümy üñny-nty-Ø.
 к.вечеру слышать-DUR-АОР-ОЗ топор-GEN звук слышаться-LAT-S3
 'К вечеру слышит: звук топора **слышится**' [ОчСЯ 1993: 12 / текст 3: 39].

- (6) Nūny ukkyr contō-qyt üñkylty-mp-š-tyt:
 потом один время-LOC слышать-DUR-АОР-ОЗ
 mštyršro-nty merky na tū-nty-Ø.
 крыша-ILL ветер вот прийти-LAT-S3
 'Потом вот что услышали: на крышу ветер **пришел**' [ОчСЯ 1993: 9 / текст 2: 15].

Визуальное значение

Аорист индикатива

- (7) Уккыр чонто-қыт қо-ңы-ты, кы-щ шұмыт на қопты тў-ңа-Ø.
 один время-LOC найти-АОР-ОЗ река-GEN по тот бык прийти-АОР-S3
 'Вдруг увидел, по реке тот бык **пришел**' [Прокофьев рук.: ед. хр. 15].
- (8) Уккыр чонто-қыт моқынā чām мант-а-Ø (мантая),
 один время-LOC назад лишь посмотреть-АОР-S3
 лбзы монты наниэрiк щi-п нё-ңа-Ø.
 черт видать настолько PRON.ACC-1 гнать-АОР-S3
 'Однажды он назад взглянул: «Черт совсем меня **догоняет**»' [Прокофьев рук.: ед. хр. 18].

Латентив

- (9) Монты нильчiк қо-ңө-тын, монты қакл, тиры₂ тў-нты-Ø.
 видать так найти-АОР-S/O3.PL видать нарты_{1,2} прийти-LAT-S3
 'Потом так увидели – нарты **подошли**' [Прокофьев рук.: ед. хр. 15].
- (10) Монты мат неньня-мы ай нымты тап ыты-нты-Ø.
 видать я сестра-1 тоже тут она висеть-LAT-S3
 'Как вижу, и моя сестра тут **висит**' [Прокофьев рук.: ед. хр. 16].
- (11) Mšt šer-ny-Ø, mannyp-a-ty: n'en'n'āqyt stol totty-nty-Ø.
 чум войти-АОР-S3 смотреть-АОР-ОЗ немного.вперед стол стоять-LAT-S3
 šitty tarālka apsy-l' totty-nty-Ø.
 два тарелка еда-ADJ стоять-LAT-S3
 'В чум вошел, смотрит: стол **стоит**, две тарелки **стоят**' [ОчСЯ 1993: 19 / текст 6: 104].

Партиципантное значение

Аорист индикатива или прошедшее время индикатива

- (12) Мыта кыпаң ащца щи-п қән-нө-тын.
 мол чуть NEG PRON.ACC-1 убить-АОР-S/O3.PL
 'Говорит: «Чуть меня не **убили**»' [Прокофьев рук.: ед. хр. 16].

- (13) Pərqy-m-ty orqyl-ny-ty aj mokal-ty orqyl-ty-ty,
 живот-ACC-3 схватить-AOR-O3 и спина-3 схватить-LAT-O3
 n̄ty p̄syn'-n'a-Ø – mol qorqy-p macā ūt-a-p.
 еще смеяться-AOR-S3 мол медведь-ACC прочь отправить-AOR-O1
 'За живот схватился и за спину схватился, опять смеется: мол, медведя я прочь отправил!'
 [ОЧСЯ 1993: 28 / текст 17: 23]

- (14) Pərq-a-p cūšaly-nty-Ø. Karrā-qyt tō-t k̄y-qyt wərqy
 живот-I заболеть-LAT-S3 в.воде-LOC озеро-GEN середина-LOC большой
 pū ʔmt-a-Ø. Nāccā kekkysā tulyš-ša-k,
 камень сидеть-AOR-S3 туда еле прийти-PRAET-S1
 pū-nty innā s̄qyl-sa-k. Illā cam omt-a-k –
 камень-ILL на залезть-PRAET-S3 верх едва сидеть-AOR-S1
 picca ma-šy-p ottal-sy-Ø. Mat orqyl-sa-p,
 шука я.PRON.ACC-I укусить-PRAET-S3 я схватить-PRAET-O1
 innā catty-sa-p q̄sy-l' anta-qā-k.
 вверх бросить-PRAET-O1 кора-ADJ лодка-LOC.POSS-I
 Nūny qas-sa-k n'ennā tōtta-t m̄t ty. M̄t-ty tū-qa-k.
 потом пойти-PRAET-S1 дальше богач-GEN чум-ILL чум-ILL прийти-AOR-S1
 'У меня живот заболел. Внизу посреди озера большой камень стоит. Я туда еле добрался, на камень залез. Сижу – а шука меня укусила. Я (ее) схватил, вверх бросил в свою лодку из коры. Потом поехал дальше в чум богача. В чум (я вот) приехал' [ОЧСЯ 1993: 25 / текст 13: 8–14].

3. Эвиденциальная система селькупского языка: интерпретация

Итак, как видно из приведенных примеров, в тазовском селькупском сфера прямого личного доступа оказывается значительно сужена за счет вторжения в нее форм из сферы непрямого личного доступа, прежде всего – латентивной формы. Как уже говорилось выше, исключение значения сенсорного восприятия из сферы прямого личного доступа не вызывает удивления на общесамодийском фоне. Однако визуальное значение, казалось бы, должно составлять ядро семантической сферы прямой эвиденциальности, поскольку именно оно соотносится с лично засвидетельствованными, непосредственно наблюдаемыми говорящим ситуациями. Тем не менее в значительном числе случаев визуальный доступ кодируется формой латентива. Ниже следует подробнее остановиться на маркировании визуального доступа к информации о ситуации, а также на сфере партиципантного доступа, являющейся в селькупском последним и единственным безусловным оплотом прямой эвиденциальности.

Начнем с партиципантного значения. Напомню, указывается, что говорящий имел партиципантный доступ к информации о ситуации в том случае, если он принимал в этой ситуации непосредственное участие. Типологически партиципантные показатели – явление достаточно редкое, и, к сожалению, мне недоступны грамматики помо и трансовогвинейских языков, в которых зафиксированы партиципантные показатели, так что я не могу ничего сказать о реальных правилах употребления партиципантных показателей в этих языках. Однако, если рассматривать партиципантные контексты в селькупском языке, оказывается, что определение «партиципантности» требует некоторых дополнительных комментариев. Было бы неверно понимать характеристику «партиципантный» излишне буквально; так, речь не идет о том, чтобы оценивать каждую ситуацию в отношении того, выступал ли говорящий в качестве ее непосредственного участника (агенса, пациенса, экспериенцера и т. п.). В этом случае оказывалось бы, что все ситуации, в которых участвуют третьи лица и не участвует говорящий, не могут быть описаны при помощи партиципантных показателей. Однако – по крайней мере в тазовском селькупском – партиципантность определяется не на уровне сопоставления ролей в актантной структуре каждой пропозиции с участниками речевого акта. Как

уже говорилось выше, в селькупском проводится разграничение партиципантного и визуального доступа. И если бы партиципантность в действительности определялась на уровне актантной структуры каждой пропозиции, то в селькупском могло бы иметь место следующее распределение: предикации, описывающие ситуации, в которых говорящий лично принимал участие, могли бы содержать форму аориста как форму партиципантного доступа, а ситуации, в которых действуют третьи лица, но в которых не принимал участие говорящий, описывались бы при помощи предикаций, маркированных латентивом как формой визуального доступа. Однако такого распределения для та-зовского селькупского не зафиксировано, и гипотетическая система, где употребление эвиденциальных показателей было бы ориентировано на прямолинейное отображение актантной структуры, имеет ряд недостатков. В частности, в персональном нарративе достаточно часто наблюдалось бы переключение между формами аориста как формами персонального доступа и формами латентива как формами визуального доступа, и при этом такое переключение не имело бы никакой функциональной мотивировки. Можно сослаться на постулат релевантности, сформулированный П. Грайсом: поскольку в подобных случаях эксплицитное указание на разграничение визуального и партиципантного доступа не содержало бы никакой дополнительной информации для слушающего, оно является абсолютно излишним, а наличие в высказывании лишней информации противоречило бы еще одному постулату эффективной коммуникации – постулату ясности («будь краток»). Партиципантность в селькупском определяется в более широком контексте, на уровне того, что можно было бы назвать отдельными сценами повествования: если говорящий принимает участие в некоторой сцене, то и действия третьих лиц, участвующих в этой же сцене, будут описываться партиципантными показателями, вне зависимости от того, затрагивают эти действия непосредственно говорящего или нет. При этом устраняются те проблемы неэффективности коммуникации, которые имели бы место при определении партиципантности, ориентированном на актантную структуру пропозиции, а не на более гибкое понятие прагматически единой сцены. Отмечу, что одновременно, естественно, предлагается и более адекватное определение значения визуального доступа, так как автоматическое употребление показателя визуального доступа по отношению ко всем ситуациям, где не принимает участия говорящий, прагматически столь же неэффективно.

Чтобы не осталось никаких неясностей, необходимо подчеркнуть еще раз: то, что в рамках одной сцены и те ситуации, в которых говорящий принимает непосредственное участие, и те, в которых участвуют только третьи лица (то есть формально увиденные говорящим), маркируются показателем партиципантного доступа, никак не отменяет разграничения визуального и партиципантного доступа, но демонстрирует коммуникативно эффективный способ их разграничения. Укажу, что, например, в русском языке глаголы визуального восприятия, которые естественно считать лексическими аналогами эвиденциальных показателей визуального доступа, также плохо применимы для описания действий третьих лиц, участвующих в одной сцене с говорящим.

Итак, только что была описана сфера употребления показателей партиципантного доступа; попутно обсуждался и латентив как показатель визуального доступа, однако пока были сформулированы только коммуникативные ограничения на употребление этого показателя (которые являются, возможно, более или менее универсальными, так как они же применимы, например, и к лексическим эквивалентам этого показателя – глаголам визуального восприятия в русском языке), но не было сформулировано условий употребления латентива как показателя визуального доступа. Именно к этому я перейду ниже.

Итак, говорящий имеет партиципантный доступ к ситуации, если он объединен с другими ее участниками в рамках одной сцены (то есть когда между говорящим и другими участниками ситуации уже произошло некоторое взаимодействие). Даже если в этом случае описываются действия других участников сцены, которые говорящего непосредственно не затрагивают и которые он только наблюдает, он имеет партиципантный доступ к этим ситуациям. В свою очередь, визуальный доступ характеризует те

сцены, в которых говорящий (пока) не участвует. В этом случае наблюдение говорящим некоторой ситуации имеет принципиально иной статус, нежели в случае партиципантного доступа. А именно, на первый план выходит понятие сенсорного доступа из эвиденциальной сферы, поскольку говорящий занимает внешнюю позицию по отношению ко всей ситуации, между ним и другими действующими лицами существует определенная прагматическая дистанция. Эта дистанцированность приводит к тому, что наблюдение в данном случае действительно является сбором информации о некоторой новой для говорящего и внешней по отношению к говорящему сцене – тогда как в случае партиципантного доступа наблюдение сводится просто к одному из способов участия говорящего в сцене с известными ему участниками. Тем самым в случае визуального доступа можно говорить о сборе и интерпретации некоторой информации, что принципиально отличает визуальный доступ от партиципантного и объединяет его с другими семантическими элементами эвиденциальной сферы.

Таким образом, визуальный доступ характеризуется двумя важными особенностями: 1) внешней позицией говорящего по отношению к ситуации (дистанцированностью) и 2) интерпретацией собранной в ходе наблюдения информации. Таким образом, «видеть» означает не столько просто наблюдать, сколько делать определенные логические выводы на основе увиденного⁸. Вполне логичным представляется и дальнейший выход в сферу эпистемической оценки: связь логического вывода с оценкой его надежности достаточно очевидна⁹.

Таким образом, проводя разграничение между сферами употребления визуального и партиципантного показателя, мы опять сталкиваемся с тем, что адекватнее оказывается ориентация не на изолированное логическое толкование ситуации (возможность ~ невозможность соотнесения говорящего с одним из элементов актантной структуры ситуации), а на более широкий прагматический контекст (понятие единой сцены) и на соответствие принципам коммуникативной эффективности.

4. ИНФЕРЕНТИВНЫЕ КОНТЕКСТЫ В СЕЛЬКУПСКОМ

До сих пор в статье не рассматривалось инференциальное значение, которое среди эвиденциальных значений является одним из ключевых и при этом одним из наиболее сложно организованных. Приведу две цитаты, дающие два несколько различающихся определения инферентива:

Среди значений группы непрямо́й личной засвидетельствованности выделяются прежде всего *инферентивные* значения, описывающие утверждения о ситуации на основании того, что говорящий интерпретирует как ее наблюдаемый результат [Плунгян 2011: 474];

Инференциальность ('информация о том, что *p*, является результатом логического вывода') – одно из весьма сложно организованных языковых значений, на грамматическое кодирование которого влияют многие факторы, прежде всего то, какие предпосылки для логического вывода доступны говорящему. В некоторых языках грамматически противопоставлен логический вывод, предпосылкой которого является некоторая воспринимаемая данность ('я утверждаю, что *p*, потому что, как я вижу (слышу), имеет место *q*') и вывод, основанный на общих знаниях, интуиции etc. Первую разновидность логического вывода иногда называют [Anderson 1986] *экспериментальной инференциальностью* [Татевосов 2007: 373].

Статья С.Г. Татевосова написана на материале багвалинского языка, и он указывает, что багвалинский перфект кодирует именно и только «экспериментальный» логический

⁸ Замечу, что этой же особенностью обладает и русский глагол *видеть*, который в части своих употреблений как раз и означает приблизительно 'увидеть нечто и на основании этого понять, что *P*'.

⁹ И в данном случае русский язык позволяет наблюдать аналогичное развитие – ср. русск. *видимо*, которое является специализированным средством выражения эпистемической оценки.

вывод. Далее С.Г. Татевосов делает некоторые важные уточнения относительно того, что именно может представлять собой та воспринимаемая данность, на основании которой говорящий делает логический вывод о том, что имела место ситуация *p*. Он приводит примеры инференции, основанной на результате в строгом смысле (типа 'На Али надела шапка' → 'Али надел шапку') и на более опосредованных ее последствиях ('У Патимат глаза красные и лицо опухшее' → 'Патимат плакала'). О последнем случае С.Г. Татевосов справедливо замечает:

Речь не идет о логическом выводе, основанном на результате ситуации, если, конечно, не употреблять этот термин в очень расширительном значении, включая в его понятийную область не только результаты в строгом смысле, но и любые следствия ситуации. Семантические различия между данными типами инференции, как мы видим, довольно велики, и на этом основании некоторые исследователи (например, [Bonnot, Donabedian, Seliverstova 1997]) признают инференциальными только употребления второго <...>, но не первого <...> типа. Для нас, однако, существенно, что инференциальный перфект допускается в обоих случаях, причем не только в багвалинском, но и в большинстве других языков с «перфектными» эвиденциальными системами [Татевосов 2007: 377].

И далее:

...чтобы употребить перфект для утверждения *p*, говорящий, который является свидетелем *q*, должен рассматривать *p* как наиболее вероятную причину возникновения *q*. Если, кроме *p*, имеются и другие ситуации, которые, по оценке говорящего, с той же вероятностью, что и *p*, могли вызвать *q*, использование перфекта для описания *p* невозможно [Там же: 378].

Таким образом, С.Г. Татевосов очерчивает круг ситуаций, которые в багвалинском описываются перфектной формой в эвиденциальном значении: это ситуации, логический вывод о которых основан на наблюдении их непосредственного результата либо их более опосредованных последствий, причем эта логическая связь должна быть сильнее, чем логическая связь с другими гипотетическими ситуациями, которые могли бы привести к тем же последствиям. Кроме того, С.Г. Татевосов указывает, что в багвалинском существует ряд глаголов, которые допускают и эвиденциальную, и результативную (в последнем случае совместимую с прямой засвидетельствованностью) интерпретацию перфекта: это глаголы типа 'схватить', результативная интерпретация которых имеет значение 'держит', а эвиденциальная – 'как можно судить по результатам, поймал'; в багвалинском также возможны употребления, близкие к перфектным.

Мы так подробно процитировали описание употребления багвалинской эвиденциальной формы потому, что употребления инферентивной формы с показателем *-tпу* в тазовском селькупском очень близки к ситуации в багвалинском в ряде существенных моментов:

1) В тазовском селькупском этот показатель оформляет глаголы с результативной семантикой (отличие от багвалинского состоит в том, что в тазовском селькупском результатив является лексикализовавшейся формой), ср., например, результативную форму от глагола *orqyl-* 'схватить': *šitty utō-qyn-ty orqyl-pa-ty* (два рука-LOC-3 схватить-RES-AOR.O3) 'в двух руках держит'.

2) Инферентивная форма употребляется, хотя редко, в перфектных контекстах, совместимых с прямой засвидетельствованностью:

(15) Ija-l'a šmt-a-Ø il'ca-n-ty qōqyt:
ребенок-DIM сидеть-AOR-S3 дед-GEN-3 рядом
«Tina mat kuttar omtylty-mpa-p.»
то я как посадить-INFER-O1
'Ребенок сидит рядом с дедом: «То (=так), как я посадил»' [ОчСЯ 1993: 11 / текст 2: 117].

(16) Ман мыта неньня-ль мықақып нянтä ёмты-птä-қыт
я мол сестра-ADJ вместе совместно сидеть-NMLZ-LOC

укын	апсы-н-ты	мат	кыммалты-са-к.		
вперед	еда-GEN-3	я	потащить-PRAET-S1		
Äsä-п	намы-т	чѣты	ўры-н-ты	щи-п	пин-па-Ø –
отец-1	это-GEN	для	закон-GEN-3	PRON.ACC-1	положить-INFER-S3 –
сельчи	маркы	нат-қо	ўн-а-м.		
семь	остров	это-TRANSL	тащить-AOR-O1		

‘Я, когда с сестрами вместе <за столом> сидел, первым еду себе взял. Поэтому мой отец на меня наказание **наложил** – семь островов за это ташу’ [Прокофьев рук.: ед. хр. 16.].

3) Инферентивная форма употребляется в собственно эвиденциальных контекстах – как для обозначения ситуации, логический вывод о которой основан на наблюдении результата в строгом смысле (глагольные формы с индексом 2 в примерах (17–19) ниже), так и для обозначения ситуации, логический вывод о которой основан на наблюдении более опосредованных последствий ситуации (глагольные формы с индексом 1 в примерах (17–19) ниже):

(17) Ныны щиттынталь моқынә тў-ға-Ø,
потом вторично домой прийти-AOR-S3
монты мыта йя-мы намыт кепы-ль **орым-па-Ø_[1] –**
видать мол ребенок-1 такой сила-ADJ **вырасти-INFER-S3 –**
унты-ль укы-ты сәқык **коррымёт-па-Ø_[2].**
борода-ADJ край-3 черный **повернуться-INFER-S3**

‘Потом вторично домой пришел – видно будто сын мой такой сильный **вырос_[1]** – борода и усы (бородатый край его) черно **повернулись_[2]** (обратились)’ [Прокофьев рук.: ед. хр. 16.].

(18) Каррә чоңал-кыт чи ыты-нты-Ø. Чосіль чи
у.огня чувал-LOC котел висеть-LAT-S3 сало-ADJ котел
тіры-мпа-Ø_[2] ола кыпа **ѳк-ты**
наполнять-INFER-S3 только маленький рот-3
кыпака куп **амны-мпа-ты_[1].**
мало человек **есть-INFER-O3**

‘На очаге на чувале котел висит. Сальный котел **наполнившийся_[2]**, лишь маленький рот, немного человек **ест_[1]**’ [Прокофьев рук.: ед. хр. 18.].

(19) imьlā-qьп-Дь сар tulьq-ға-Ø, imьlā-мь monДь naşşāqьт
бабушка-LOC.POSS-3 едва прийти-AOR-S3 бабушка-1 видать давно
qu-mBa_[1] – мьqaj qorQь-t tarь-l, qьт tātьq
умереть-INFER-S3 даже медведь-GEN шерсть-ADJ мох совсем
qāmBь-ра-ть_[2].
укрыть-INFER-S3.

‘К бабушке своей как только дошел – бабушка моя, видать, так давно **умерла_[1]** – даже медвежий (собств. медвежье-шерстый) мох совсем (ее) **покрыл_[2]**’ [Прокофьев 1935: 109].

В каждом из этих трех примеров описывается по две ситуации. Ситуации типа 2 (‘появились усы и борода’, ‘котел полон’, ‘мох ее покрыл’) представляют собой тип инференции, основанной на наблюдении результата. В то же время ситуации типа 2 служат эксплицированным в тексте основанием для инференции о существовании ситуаций типа 1, причем эти основания для инференции являются не непосредственно наблюдаемым результатом, а более косвенными свидетельствами наличия ситуации (‘появились усы и борода’ → ‘сын вырос’, ‘котел полон’ → ‘хозяин котла ест понемногу’, ‘мох ее покрыл’ → ‘она давно умерла’).

Несмотря на то что в селькупском (как и в багвалинском) для маркирования и ситуаций типа 1 и ситуаций типа 2 используется одна и та же форма, я (вслед за авторами

работы [Bonnot, Donabedian, Seliverstova 1997]) готова постулировать наличие логической операции инференции только в случае ситуаций типа 1, но не в случае ситуаций типа [2], когда непосредственно наблюдаемым является результат ситуации, так как логические операции типа 'усы и борода выросли' → 'я могу утверждать, что усы и борода росли, хотя я этого и не видел' представляются чистой схоластикой¹⁰. Я предлагаю трактовать примеры типа 2 несколько иначе. И ключом к предлагаемой трактовке служит то, что «инферентивные» ситуации, основанные на наблюдении за результатом, могут вводиться глаголами визуального восприятия.

Вероятно, можно говорить о том, что в данном случае происходит совмещение двух временных планов: наблюдаемым является результат, но логическая смежность результата и самой ситуации позволяет использовать глагол визуального восприятия для описания таких ситуаций. Отметим, что и в русских переводах глагол *видеть* является совершенно уместным, при этом парадокс состоит в том, что саму ситуацию говорящий как раз не видел¹¹. Как кажется, в том случае, когда наблюдаемым является именно результат ситуации, говорить о логической операции инференции ошибочно. Дело в том, что операция инференции в данном случае постулируется на основании предлагаемой лингвистами трактовки результирующей ситуации и предшествующей ей ситуации как двух отдельных ситуаций, между которыми как раз и устанавливается отношение инференции. Однако, как кажется, результат трактуется не как отдельная результирующая ситуация, а как часть той самой исходной ситуации, которая завершилась таким результатом (в частности, очевидно, что попытка эксплицировать в примерах с наблюдаемым результатом основание для инференции, то есть выразить независимо две ситуации, связанные отношением инференции, обречена на заведомую неудачу). Иными словами, в данном случае результат прагматически является не второй ситуацией, вытекающей из первой (как это имеет место при «аспектуальном» толковании действительности), а естественным завершением первой ситуации. Как кажется, именно эта включенность результата в исходную ситуацию позволяет употреблять глаголы визуального восприятия, как в (20) и (21) ниже:

- (20) Mannymp-5-tyt: Ica-n ima-ty qu-mpa-Ø.
 смотреть-AOR-S.3PL PN-GEN жена-3 умереть-INFER-S3
 Pany-sä kuty₁ kos₂ pärqyl-pa-ty.
 нож-INSTR кто-то_{1,2} заколоть-INFER-O3

'Смотрят: Ичина жена умерла. Ножом кто-то (ее) заколол' [ОчСЯ 1993: 25 / текст 12: 26].

- (21) Mannymp-a-ty: ira kerty-mpa-Ø captät.
 смотреть-AOR-O3 старик откочевать-INFER-S3 давно

'Смотрит: старик откочевал давно' [ОчСЯ 1993: 11 / текст 4: 40].

Итак, я предлагаю считать, что в случае наблюдаемого результата (при ненаблюдаемой предшествующей фазе ситуации) показатель *-тру* выражает не значение инференции, а ретроспективное (или, иначе, результирующее) визуальное значение (соответственно, для обсуждавшихся выше употреблений латентива в контекстах, где обозначается визуальный доступ к ситуации, необходимо сделать уточнение, что латентив в этом случае выражает синхронное визуальное значение).

¹⁰ То, что для маркирования контекстов типа 1 и контекстов типа 2 используется одна и та же форма, само по себе не может служить доказательством того, что в обоих случаях следует усматривать инферентивное значение: напомним, что и в селькупском, и в багвалинском тот же показатель используется и для маркирования результирующего значения, которое, естественно, не включает в себя операции логического вывода.

¹¹ В русском употребляются две разные конструкции: *видеть, как* – для описания собственно визуального восприятия и *видеть, что* – для описания инференции. Однако и в том и в другом случае употребляется глагол визуального восприятия.

Таким образом, в случае наблюдаемого результата я предлагаю не использовать понятие инференции, так как результат является не отдельной ситуацией, но частью исходной ситуации и увидеть результат – это все равно, что увидеть саму ситуацию. Как кажется, уместно зарезервировать термин «инферентив» только для тех случаев, когда основанием для инференции служат некоторые более косвенные признаки наличия ситуации – только тогда операция инференции не является прагматически избыточной. Ср. еще два примера ниже – в примере (22) представлено ретроспективное, или результативное, визуальное значение, в примере (23) – значение инференции ('это мой собственный чум – значит, волшебный зверь, везший меня в крытой нарте, привез меня домой', основание для инференции выделено разрядкой):

- (22) Mannymp-a-ty: ira qaj mč-ty-ty?
 смотреть-AOR-O3 старик что сделать-NP.AOR-O3
 Ira mčty-t šün'cō-qyt ɔmt-a-Ø.
 старик чум-GEN внутренность-LOC сидеть-AOR-S3
 Iskawarta-m-ty I-ty-mpa-ty, cippō-qyt ŷ-ty-mpa-ty.
 сковорода-ACC-3 взять-NP-INFER-O3 таган-LOC повесить-NP-INFER-O3
 Tama-l'a-p orqyl-ny-ty, iskawarta-nty catty-ny-ty.
 мышь-DIM-ACC поймать-AOR-O3 сковорода-ILL бросить-AOR-O3

'Смотрит: старик что делает? Старик внутри чума сидит. Сковороду брал, на тагане повесил <до того, как старуха пришла>. Мышку поймал, на сковороду бросил' [ОчСЯ 1993: 28 / текст 18: 9–12].

- (23) Nūny ponā cap tant-a-Ø – «On ä-k m ɔ n - m y,
 потом наружу только выйти-AOR-S3 собственный-1 чум-1
 moqynā šj-p tatty-mpa-Ø!»
 домой PRON.ACC-1 привезти-INFER-S3

'Потом наружу только вышел <из закрытой нарты>: «<Вот оно что,> мой собственный чум, домой меня <он> привез!»' [ОчСЯ 1993: 11 / текст 2: 125]

Однако не все инферентивные контексты обслуживаются в тазовском селькупском показателем *-mry*. В некоторых случаях инференция может маркироваться показателем латентива *-nty*. В чем состоит различие между показателями *-mry* и *-nty* при маркировании инференции и действительно ли те употребления показателя *-nty*, о которых ниже пойдет речь, представляют именно инферентивное значение?

Вначале я приведу примеры на употребление показателя *-nty* в интересующих нас контекстах, после чего будет рассматриваться семантическое отличие этих употреблений показателя *-nty* от примеров с показателем *-mry* в инферентивном значении.

В примере (24) контекст таков: ненцы приезжают убить старика-селькупа. Ненецкие воины отправляются в его дом, один хромой ненец остается с нартами на берегу. Старик-селькуп хитростью погубил напавших на него ненцев и спускается на берег к их нартам. Чтобы обмануть оставшегося в живых ненца, он надел сокуй одного из убитых. Хромой ненец видит издали фигуру спускающегося к берегу человека в ненецкой одежде (предложение, описывающее ситуацию, служащую основанием для инференции, выделено разрядкой) и на основании этого высказывает гипотезу о том, что старик-селькуп побежден:

- (24) Nūny qäly-ty-p cōty-lä pölä karrä
 потом ненец-PL-ACC спалить-CVB после к.воде
 na laqaltē-mmy-nty-Ø qälyl' m ɔ t y r so q q y - p
 и поехать-DUR-LAT-S3 ненец-ADJ богатырь сокуй-ACC
 tokkaltylä. ŷmy qaqly-l' my-ty karrän ep-pa-Ø.
 одеть-CVB остальной нарта-ADJ нечто-3 у.воды быть-INFER-S3

Tinana qaly-mpyl' qälyk, qural' qälyk nannäryk
 тот остаться-PT.PRAET ненец хромой ненец так
 ɕntalp-a-Ø, nannäryk laksyr-a-Ø.
 радоваться-AOR-S3 так прыгать-AOR-S3
 «Y-xa, y-xa, N'omal', Porqu₂ ira qəttē-nty-Ø».
 «EXCL EXCL PN_{1,2} старик понасться-LAT-S3

'Потом, ненец спаливши, он (= старик Нёмаль Поркы) на берег поехал, сокуй ненецкого богатыря одевши. Остальные нарты на берегу были. Тот оставшийся ненец, хромой ненец, так радуется, так прыгает: «Ха-ха, ха-ха, старик Нёмаль Поркы попался»' [ОчСЯ 1993: 30–31 / текст 20: 40–43].

Ср. также следующие примеры (в них также разрядкой выделено описание ситуации, служащей основанием для инференции):

(25) Merky namyššak esy-mra-Ø – mɕt-ty nɕly ropä
 ветер такой стать-INFER-S3 чум-3 из наружу
 ašša tann-enta-Ø. Ira nɕl'cik es-a-Ø:
 NEG выйти-FUT-S3 старик так сказать-AOR-S3
 «Nor qət-qolam-ty-Ø».
 Бог убить-PROSP-LAT-S3

'Ветер такой поднялся – из чума на улицу старик не выйдет. Старик так сказал: «Бог меня убить собрался»' [ОчСЯ 1993: 8 / текст 1: 3–5].

(26) Ima-ty nɕk kəty-ny-ty: «Tan, irə, košnyj sɕly
 жена-3 так сказать-AOR-O3 ты муж каждый день
 yky koral-äš, nom nɕl'cyk
 NEG.IMP отправиться.на.охоту-IMPS2 бог так

na šj-nty mē-nty-Ø.»
 и PRON.ACC-2 сделать-LAT-S3

'Жена так сказала: «Ты, муж, каждый день не ходи на охоту, Бог так тебя сделал (= покарал, лишив охотничьей удачи за то, что убивал зверей без счета)»' [ОчСЯ 1993: 9 / текст 2: 12].

В следующем примере брат по имени Ий заключает, что ребенок его родителей – черт, а не обыкновенный человек, на основании нескольких фактов: 1) ночью он видел, как этот ребенок вылезал из колыбели и куда-то исчезал, и 2) наутро стало известно о том, что у царя пропала половина подданных; 3) кроме того, родители его слишком стары для того, чтобы родить ребенка:

(27) Ukkыр чонтб-қыт Ий мантапы-лэ ипп-а-Ø – тōль
 один время-LOC PN смотреть-CVB лежать-AOR-S3 тот
 пэлак-кыны ämä-ны кōкыт кыпа тимня-ля-мы
 половина-LOC мать-GEN.1 вокруг младший брат-DIM-1
 iñnä на вэщі-нты-Ø, пты-н-ты нōны пōnä на
 вверх вот встать-LAT-S3 зыбка-GEN-3 из наружу вот
 тары-нты-Ø. <...> Ий култэл-ны-Ø: «Кысса ман
 выйти-LAT-S3. <...> PN предчувствовать-AOR-S3 EXCL я
 äsä-ны-ль ämä-ны-ль мықакы олым-тын сәры-т-қо
 отец-GEN.1-ADJ мать-GEN.1-ADJ у голова-3PL снег-VERB-INF
 тары-мпō-тій, Ія-п куны қб-ны-тий?»
 обрасти.шерстью-INFER-S.3DU сын-ACC откуда найти-AOR-O.3DU

Тѣптыль чѣлы нильчіль эты тў-нты-Ø – ёмталь, кон₂
 следующий день такой вестъ прийти-LAT-S3 царь_{1,2}
 мыкыт момпа коччи пэля-ль тамтыр-ты шўньни-нты-Ø.
 у мол много половина-ADJ род-3 убавиться-LAT-S3
 Ий нѣты ніль тсныр-ны-Ø «Тып мат аса-ны-ль ама-ны-ль
 рх затем так думать-AOR-S3 это я отец-GEN.1-ADJ мать-GEN.1-ADJ
 мыкаы лбы вэры-нты-тій, ащша Тя-тий».
 у черт держать-LAT-O.3DU NEG сын-3DU

‘Вдруг Ий, смотря, лежит – с противоположной стороны матери моей сбо-
 ку мой младший брат встал из своей зыбки, на улицу вышел. <...> Ий
 раздумывает: «Ну-ка, отца и матери головы уже снегом покрылись, от-
 куда у них сын взялся?» На следующий день такая вестъ пришла –
 у царя, слышать, больше половины народу его пропало. Ий так думает:
 «Это мои родители черта **держат**, не ребенка»’ [Прокофьев рук.: ед. хр. 18].

- (28) Сома лѣка-ль мы-м-ты нячычā кумы-ты-ткини
 хороший кусок-ADJ вещь-ACC-3 голый человек-GEN.3PL-DAT
 титты-ны-ты. Нянычā кум-ыт амыр-лā на кыгылл-эи-нтѣ-тын,
 вытащить-AOR-O3 голый человек-PL поесть-CV в вот перестать-INTENS-LAT-O.3PL
 иннā вэщī-лā нільчик ланкэл-лā пōнā тар-ѣ-тыт:
 вверх подняться-CV так кричать-CV наружу выйти-AOR-S.3PL
 «Тимня-мыт кан ільса-сымыль има **татты-нты-ты**.
 брат-1PL что душа-ADJ.COMIT жена принести-LAT-O3

‘Лучшие куски (свои) голым людям положила. Голые люди есть закончили,
 встав, на улицу вышли, так крича: «Брат наш, похоже, с доброй душой жену **привел**»’ [Про-
 кофьев рук.: ед. хр. 16].

Как можно видеть, и в этих примерах вывод о наличии некоторой ненаблю-
 давшейся ситуации делается на основании каких-то более косвенных признаков и
 проявлений этой ситуации. Прежде всего, действительно ли в данном случае можно
 говорить именно об инферентивном употреблении латентива? На мой взгляд, да: во
 всех этих примерах в контексте обозначены те проявления ситуации, которые слу-
 жат основанием для инференции о наличии ситуации (выделены разрядкой), хотя в
 принципе надо учитывать, что основания для инференции эксплицируются в тексте
 далеко не всегда. Можно ли усмотреть какое-то очевидное различие между инфе-
 рентивными предикациями с показателем *-тру* и инферентивными предикациями с
 показателем *-нту*? Есть ли какое-то существенное отличие в основании для инферен-
 ции? Напомню (см. выше цитату из работы С.Г. Татевосова), что некоторые авторы
 предлагают противопоставлять инференцию двух типов – инференцию, основанием
 для которой является некоторая воспринимаемая данность, и инференцию, основа-
 нием для которой служат общие знания о мире. Как кажется, разграничить эти два
 случая вполне четко не получается, так как в случае наблюдения именно каких-то
 косвенных признаков для успешного осуществления инференции говорящему необ-
 ходимо, конечно, задействовать и определенную долю общих знаний (и чем более
 косвенными являются признаки, тем большей становится необходимая доля общих
 знаний).

В.А. Плунгян в своей схеме эвиденциальных значений также предлагает отдельную
 позицию для инференции второго типа (называя такие контексты презумптивными),
 однако, как кажется, показатель *-нту* в примерах (24–28) все-таки выражает именно
 инферентивное, а не презумптивное значение, так как основанием для инференции слу-
 жит какая-то наблюдаемая данность (хотя, повторюсь, для ее успешной интерпретации
 необходимо задействовать некоторую долю общих знаний о мире – но это справедливо
 и для инферентивных употреблений формы с показателем *-тру*).

В какой еще сфере можно искать различия в употреблении показателей *-tru* и *-nty* в инферентивных контекстах? Естественно, когда речь идет об операции логического вывода, существенным может быть маркировать надежность этого вывода. Для багвалинского языка С.Г. Татевосов считает это ключевым параметром, накладывающим ограничения на употребление инференциального перфекта, – его можно употребить только в том случае, если ситуация *p*, о которой делается утверждение, является *наиболее вероятной* причиной возникновения той наблюдаемой данности, на основании которой осуществляется инференция. Тем не менее речь все-таки идет именно о вероятности, хотя и наиболее высокой степени. Этот модальный компонент присутствует и в других эвиденциальных значениях – в начале статьи речь шла о развитии у эвиденциальных форм модального компонента. Очевидно, что модальность является одной из наиболее «субъективных» категорий языка, так как по отношению к употреблению оценочных компонентов высказывания говорящий обладает большой свободой: употребление *vs.* неупотребление показателей эпистемической вероятности коррелирует не столько с какой-то объективной данностью, сколько с намерением говорящего «дистанцироваться» от ответственности за сделанное им утверждение либо представить его как некоторую несомненную данность. Как кажется, для операции логического вывода маркирование степени надежности вывода (по оценке говорящего) представляется прагматически весьма существенным, и именно по этой линии различаются инферентивные контексты с показателем *-tru* (инференция-утверждение) и инферентивные контексты с показателем *-nty* (инференция-гипотеза). Таким образом, показатель *-nty* в инферентивных контекстах имеет тот самый дополнительный семантический компонент эпистемической дистанции, тогда как в случае употребления показателя *-tru* логический вывод представлен как абсолютно достоверный.

5. ЭВИДЕНЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА: ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрение не вполне тривиальной эвиденциальной системы селькупского языка позволяет сделать несколько выводов, касающихся главным образом подхода к описанию употребления эвиденциальных показателей. Выше я попыталась сформулировать некоторые принципы, которые позволяют описать употребления эвиденциальных показателей более адекватно.

1. Прежде всего представляется неверным радикальное разделение эвиденциальной и эпистемической семантики: это разделение производится в первую очередь на основании того, что предлагаемые в лингвистике толкования эвиденциальных и эпистемических значений не имеют пересечений. Кроме того, если говорить о возможности одновременного выражения в одной форме эпистемических и эвиденциальных значений, то в рамках традиционного подхода следовало бы считать, что эта форма кумулятивно выражает указанные значения двух грамматических категорий. В данной статье предлагается другой подход: в частности, допускается, что в значении грамматической формы, помимо основного значения, по которому и образуется грамматическая категория, могут присутствовать дополнительные семантические компоненты. Эти дополнительные семантические компоненты являются прагматически наведенными – по аналогии с контекстуально наведенными дополнительными значениями, описанными Дж. Байби. То, что эпистемический компонент является прагматически наведенным у форм эвиденциальной семантики, представляется вполне естественным. В частности, это следует из особой семантической организации категории эвиденциальности, радикально отличающей ее от других глагольных грамматических категорий. А именно, в подавляющем большинстве грамматических категорий представлена *эквивалентная* оппозиция граммем. Что касается категории эвиденциальности, она устроена несколько иначе; об этом прямо никто не писал, но именно об этом свидетельствуют наблюдения А.Ю. Айхенвальд, касающиеся правил выбора эвиденциальных граммем: поскольку очевидно, что во многих случаях говорящий может иметь «множественный» доступ к информации об одной и той же ситуации (самая простая и очевидная комбинация –

он может воспринимать ситуацию одновременно зрительно и на слух), при обозначении ситуации маркируется тот тип доступа, который обеспечивает наиболее полную информацию о ситуации (то есть – в данном примере – выбирается показатель визуального, а не сенсорного доступа). Тем самым очевидно, что граммы эвиденциальности не объединены в рамках эквивалентной оппозиции, но упорядочены на шкале в зависимости от того, насколько полные сведения о ситуации предоставляет тот или иной тип доступа к информации. Соответственно, в тех случаях, когда грамма эвиденциальности соотносится с неполной информацией, вполне естественным прагматическим следствием неполноты информации является некоторая гипотетичность утверждения, которая и приводит к возникновению у ряда эвиденциальных форм дополнительного семантического компонента эпистемической неуверенности.

2. В селькупском языке сфера прямого личного доступа оказывается суженной за счет того, что показатель латентива, являющийся показателем косвенного доступа к ситуации, в селькупском широко употребим в контекстах визуального доступа (тем самым употребление показателя прямого личного доступа оказываются связаны прежде всего с партиципнтным доступом к ситуации). Между тем определение понятия прямого доступа часто дается именно через понятие непосредственного визуального восприятия ситуации. Однако в действительности селькупский не вступает в неразрешимое противоречие с типологическими ожиданиями относительно семантической организации эвиденциальных систем. Оно снимается, если формулировать понятие партиципнтного и визуального доступа не на уровне каждой конкретной ситуации, описываемой отдельной предикацией, а на более высоком уровне – вводя понятие прагматически единой сцены. Так, если говорящий объединен с третьими лицами в рамках одной сцены, и его собственные действия, и действия третьих лиц (вне зависимости от того, затрагивают они непосредственно говорящего или нет) будут описываться показателями партиципнтного доступа. Напротив, если говорящий (на данном этапе повествования) занимает внешнюю по отношению к некоторой сцене позицию наблюдателя, будет употреблен показатель латентива как показатель визуального доступа. В этом случае позиция внешнего наблюдателя, занимаемая говорящим, обеспечивает определенную дистанцию между говорящим и наблюдаемой ситуацией. Именно в этом случае маркирование визуального доступа показателем косвенной эвиденциальности оказывается прагматически оправданным, так как именно здесь визуальный доступ оказывается одной из разновидностей сенсорного доступа, обеспечивая сбор и интерпретацию информации о некоторой внешней по отношению к говорящему ситуации. Во многих отношениях такую интерпретацию поддерживают аналогии с русским глаголом зрительного восприятия, который демонстрирует схожие прагматические ограничения употребления.

3. Наконец, были описаны инферентивные контексты селькупского языка. В этих контекстах возможно употребление двух показателей – специализированного инферентивного показателя *-tru* и эвиденциального показателя с широкой семантикой – латентивного показателя *-ntu*. Селькупский инферентивный показатель *-tru* демонстрирует типологически достаточно типичный кластер значений. Однако предлагается несколько сузить понятие инференции и считать, что логическая операция инференции не производится в тех случаях, когда говорящий наблюдает непосредственный результат ситуации (в частности потому, что в данном случае невозможно эксплицировать основание для инференции). В данной статье предлагается подход, при котором логическая операция инференции присутствует в случае наблюдения говорящим более или менее косвенных последствий ситуации. Несмотря на то что в случае наблюдения говорящим непосредственного результата ситуации употребляется тот же показатель, что и в том типе контекстов, которые определены здесь как инферентивные, я считаю, что прагматически результат ситуации трактуется не как отдельная результирующая ситуация (как это имеет место при «аспектуальном» членении действительности), а как часть ситуации. Поэтому я считаю, что в таких контекстах имеет место не значение инференции, а один из типов визуального доступа – а именно ретроспективный визуальный

доступ ('говорящий видит, что произошло *p'*') – по аналогии с синхронным визуальным доступом ('говорящий видит, что происходит *p'*'). Следующий вопрос – чем отличается употребление собственно инферентивного показателя *-тру* и латентивного показателя *-ntу* в инферентивных контекстах. Я считаю, что их употребления различаются дополнительным модальным компонентом: показатель *-тру* маркирует инференцию-утверждение, а показатель *-ntу* маркирует инференцию-гипотезу. В сущности, инференция и гипотеза по структуре очень близки, так как и в том и в другой случае есть некоторое основание предполагать с той или иной вероятностью наличие некоторой ситуации, однако в случае инференции-утверждения вероятностный характер высказывания не маркируется, а в случае инференции-гипотезы маркируется.

Все перечисленные положения демонстрируют, что правила употребления эвиденциальных показателей могут быть описаны более адекватно в том случае, если учитывается не только их толкование, но и демонстрируемые ими прагматические ограничения и предпочтения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо (при имени – посессивные показатели, при глаголе – личное согласование)

ACC – аккузатив

ADJ – адъективирующий суффикс

AOR – аорист

AUD – аудитив

COMIT – комитатив

CVB – дееспричастие

DAT – датив

DIM – диминутив

DU – двойственное число

DUR – дуратив

EXCL – экскламатив

FUT – будущее время

GEN – генитив

ILL – иллатив

IMP – императив

IMV – императив

INDEF – частица со значением неопределенности

INF – инфинитив

INFER – инферентив

INSTR – инструменталь

INTENS – интенсификатор

LAT – латентив

LOC – локатив

LOC.POSS – местный падеж в посессивном склонении (в посессивном склонении совпадают иллатив, локатив и элатив)

NEG – отрицание

NP – имперфектив

NMLZ – отлагольное имя

O – объектный тип спряжения

PL – множественное число

PN – имя собственное

PRON.ACC – основа аккузатива личных местоимений

PRAET – претерит

PROSP – проспектив

PT – причастие

RES – результат

S – субъектный тип спряжения

TRANSL – транслатив («превратительный» падеж)

VERB – суффикс, образующий отыменные глаголы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ильина 2002 – Л.А. Ильина. Эволюция глагольной категории эвиденциальности (системно-диакроническое моделирование на материале селькупского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.
- Ильина 2006 – Л.А. Ильина. Эволюция эвиденциальных высказываний в самодийских языках // Н.Н. Широкова, А.А. Мальцева (ред.). Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2006.
- Казакевич 2005 – О.А. Казакевич. Изменение структуры языка с ограниченной сферой употребления // А.Е. Кибрик (ред.). Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. Посвящается 75-летию академика Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2005.
- ОчСЯ 1980 – А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, Е.В. Грушкова. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980.
- ОчСЯ 1993 – А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, Л.Ю. Иоффе, Е.А. Хелимский. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. М., 1993.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Прокофьев 1935 – Г.Н. Прокофьев. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935.
- Прокофьев 1937 – Г.Н. Прокофьев. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.; Л., 1937.
- Прокофьев рук. – Селькупские тексты, записанные Г.Н. Прокофьевым. Архив МАЭ РАН, фонд 6, опись 1.
- Татевосов 2007 – С.Г. Татевосов. Эвиденциальность и адмиратив в багвалинском языке // В.С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб., 2007.
- Anderson 1986 – L.B. Anderson. Evidentials, paths of change, and mental maps: typologically regular asymmetries // W. Chafe, J. Nichols. Evidentiality: The linguistic coding of epistemology. Norwood (NJ), 1986.
- Aikhenvald 2004 – A.Y. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford: 2004.
- Bonnot, Donabedian, Seliverstova 1997 – Ch. Bonnot, A. Donabedian, O.N. Seliverstova. Énoncés à accent non final en russe et énoncés au médiatif en arménien occidental: une convergence fortuite? // Bernard Caron (ed.). Actes du XVI-ème Congrès international des linguistes. Paris, 1997.
- Bybee et al. 2004 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. Evolution of grammar. Chicago, 2004.
- Willett 1988 – T. Willett. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // Studies in language. 1988. V. 12. № 1.

Сведения об авторе:

Анна Юрьевна Урманчиева
ИЛИ РАН / Ияз РАН
urmanna@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 2.12.2013.